

Философия – «математика» смысла

Демидов А.Б.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

По вопросу «Что такое философия?» и является ли она наукой нет достаточной ясности со времени ее возникновения и поныне.

Цель статьи – обосновать тезис, что философия является наукой в не меньшей мере, чем математика.

Материал и методы. *Исходным материалом данного теоретического исследования послужили разноречивые мнения о наличии или отсутствии у философии определенного предмета изучения и принадлежности или непринадлежности философии к числу научных дисциплин. Для разрешения указанных неопределенностей использованы преимущественно методы сравнительного анализа воззрений и синтез понятий, способствующих решению проблемы.*

Результаты и их обсуждение. *Известно множество ответов на вопрос «Что такое философия?». Чаще всего эти ответы начинаются словами «философия – это наука о...». Далее следуют вариации, о чем эта «наука», если считать ее наукой. С точки зрения «позитивных» наук философия, как и математика, не имеет единого конкретного предмета, не имеет корреляции с фактами. В статье оспаривается это мнение. Философия подобна математике. Математика так же как и философия направлена не на объекты, независимые от нас. Философия и математика в качестве своих предметов имеют дело с «объектами» особого рода. Эти «объекты» – то, на что направлена деятельность субъекта, – не существуют в объективной реальности. Но и в сфере субъективности они не даны сами по себе, а создаются и корректируются субъектами в качестве понятийных средств разметки предметов мысли и действия. Понятия и образуемые из них конструкции, используемые как средства разметки предметов, являются формальными в математике и содержательными в философии. Математические и философские понятия могут объективироваться посредством языковых и прочих знаков и становиться «фактами», «объектами», независимыми от своих создателей. К понятиям и системам математики и философии неприменимы критерии истинности или ложности, но они могут быть пригодными или непригодными для решения тех или иных задач. Однако то же самое можно сказать о понятиях или теориях естествознания, технических и социально-гуманитарных наук.*

Заключение. *Конкретные философские концепции в качестве предмета указывают разное, принадлежащее или к реальному миру, или трансцендентному, или трансцендентальному. Эти предметы являются вариациями одного и того же предмета – понятийно-смысловой разметки предметных множеств, каковая является единым предметом всевозможных философий. Философия и математика по сравнению с «позитивными науками» имеют дело с существенно иными предметами, но удовлетворяют критериям научности.*

Ключевые слова: предмет философии, смысл, телеология, понятийные средства разметки предметов.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 75–81)

Philosophy as “Mathematics” of Sense

Demidov A.B.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

There has been insufficient clarity on the question “What is philosophy?” and whether it is a science since its inception to the present day.

The purpose of the article is to substantiate the thesis that philosophy is a science no less than mathematics.

Material and methods. *The source material of this theoretical study was the conflicting opinions about the presence or absence of a certain subject of study in philosophy and the affiliation or non-affiliation of philosophy to scientific disciplines. To resolve these uncertainties, methods of comparative analysis of views and synthesis of concepts that contribute to solving the problem were mainly used.*

Findings and their discussion. *There are many answers to the question “What is philosophy?”. Most often, these answers begin with the words “philosophy is the science of...”. What follows are variations on what this “science” is about, if you consider it a science. From the point of view of the “positive” sciences, philosophy, like mathematics, does not have a common specific subject, has no correlation with facts. The article disputes this opinion. Philosophy is like mathematics. Mathematics, like philosophy, is not directed at objects that are independent of us. Philosophy and mathematics, as their subjects, deal with “objects” of a special kind. These “objects” – what the subject’s activity is aimed at – do not exist in objective reality. But even in the sphere of subjectivity, they are not given by themselves, but are created and adjusted by subjects as conceptual means of marking up objects of thought and action. Concepts and constructions formed from them, used as a means of marking objects, are formal in mathematics and meaningful*

in philosophy. Mathematical and philosophical concepts can be objectified through linguistic and other signs and become “facts”, “objects”, independent of their creators. The criteria of truth or falsity are not applicable to the concepts and systems of mathematics and philosophy, but they may or may not be suitable for solving certain problems. However, the same can be said about the concepts or theories of natural sciences, technical and social sciences and humanities.

Conclusion. *Specific philosophical concepts indicate different things as a subject, belonging either to the real world, or to the transcendent, or to the transcendental. These subjects are variations of the same subject – the conceptual markup of subject sets, which is a common subject of various philosophies. Philosophy and mathematics, in comparison with the “positive sciences”, deal with significantly different subjects, but meet the criteria of scientific character.*

Key words: *the subject of philosophy, sense, teleology, conceptual means of marking objects.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 75–81)

Вопрос «что такое философия?» задавался на протяжении всего ее существования за исключением периода, когда первые философы еще не образовали понятия о своем занятии и не придумали для него названия. Тем не менее и поныне недостает ясности в том, что такое философия, по каким критериям следует отличать ее от других видов работы ума, а также кому и для чего она нужна и нужна ли вообще. Последнее особенно интересно в виду практической злободневности этого вопроса в сфере высшего образования.

Материал и методы. Исходным материалом данного теоретического исследования послужили разноречивые мнения о наличии или отсутствии у философии определенного предмета изучения и принадлежности или непринадлежности философии к числу научных дисциплин. Для разрешения указанных неопределенностей использованы преимущественно методы сравнительного анализа воззрений и синтез понятий, способствующих решению проблемы.

Результаты и их обсуждение. Известно множество ответов на вопрос «что такое философия?». Чаще всего эти ответы начинаются словами «философия – это наука о...». Далее следуют вариации, о чем эта «наука», и во многих случаях ее считают все-таки именно наукой. Возьмем в качестве примеров несколько дефиниций от знаменитых и авторитетных для своих эпох мыслителей.

1. Вопрос о предмете философской науки. Согласно Аристотелю, мудрость, или философия – это «наука, исследующая первые начала и причины: ведь и благо, и “то, ради чего” есть один из видов причин» [1, с. 69]. Здесь мы сразу отметим конкретность указания Аристотелем предметов своей философии, ведь нередко встречается мнение, будто философия говорит о чем-то неконкретном, как бы «ни о чем». Аристотель вывел учение о четырех причинах всего существующего (формальной, материальной, действующей и целевой), способного и ныне играть эвристическую роль, и учение о «первом движущем», т.е. о совершенстве, актуализации потенций всего сущего. В этом телеологическом понятии о «первом движущем» можно усмотреть прообраз гегелевской абсолютной идеи. Обратим внимание на то, что уже Аристотель внятно указал на целевую причинность как существенный предмет философской науки.

Придать философии достоинство подлинной науки, соответствующей образцам чистой математики и математического естествознания, явилось центральной задачей исследований И. Канта. Он полагал, что нашел

решение этой задачи. В результате осуществления своего замысла утверждал, что «философия есть наука об отношении всего знания к существенным целям человеческого разума (*teleologia rationis humanae*)» [2, с. 610]. И в этой формулировке явствует телеологическая специфика философии, как ее понимал Кант.

Г. Гегель признавал: «Единственное, к чему я вообще стремился и стремлюсь в своих философских изысканиях, – это научное познание истины» [3, с. 57]. Саму же философию он определял как «познание абсолютного» [4, с. 270], т.е. абсолютной идеи. И утверждал, что «единственно лишь абсолютная идея есть *бытие*, непреходящая *жизнь*, *знающая себя истина* и *вся истина*. Она единственный предмет и содержание философии» [5, с. 288], истолкованной Гегелем как «научное познание». Причем он не приписывал всю заслугу познания абсолютной идеи исключительно себе самому, а считал, что предшествующие философские учения постигали эту же абсолютную идею, но не достигли завершения и послужили подготовительными ступенями в восхождении к ней. Здесь вновь просматривается телеологический мотив, пронизывающий всю диалектическую систему Гегеля.

В. Виндельбанд, основатель баденской школы неокантианства, различил в истории западноевропейской культуры четыре сменявших друг друга толкования философии. (1) Появившееся в Древней Греции слово «философия» означало просто «науку» как знание ради знания, неутилитарную «любопытность», направленную на все занимательное в мире. Пока эта наука и ее основные понятия вмещались «в одной голове», она оставалась одной нераздельной наукой. (2) Но по мере расширения ее содержания начался процесс дифференциации, расчленения предметов познания на специфические группы и соответствующие способы их рассмотрения. Появились особые «философии», и Аристотель выделил среди них «первую философию» как науку, исследующую именно «первые начала и причины», а не вообще «все». В то же время греческий мир утратил самостоятельность, образовался эллинизм, затем Римская империя. Новый уклад жизни притупил влечение к чистому познанию, вместо него побудил интерес к устройению личного существования. Соответственно, новая философия стала отвечать на запросы о руководстве к обыденной жизни и заняла подчиненное, служебное, не самоценное положение. (3) В период Средневековья служебное положение философии сохраняется, но господин меняется. Вместо

обслуживания этических потребностей философия пристраивается к обслуживанию потребностей религиозных, превращается в «служанку теологии» и способствует научному, или наукообразному, оправданию, обоснованию и развитию религиозных воззрений. (4) В Новое время возобновляется свободное стремление к знанию ради него самого. Философия хочет добывать знания, независимые от религиозных мнений и основанные лишь на «естественном разуме». Она ищет адекватные природе методы и становится теорией познания. Но уже появляющиеся специальные науки успешно познают законы природы, опираясь не на философско-умозрительные, а на эмпирические методы. Возникает вопрос: «Есть ли в мире такие объекты, которые были бы непознаваемы для отпочковавшихся от философии специальных наук, но оставались бы на долю самой философии?». Если таких объектов нет, то философия без собственных объектов становится просто ненужной, теряет право на существование. Заниматься обобщением знаний, «сшивать в одно целое лоскутья последних выводов специальных наук» – это «комбинирование, но не наука. Философия подобна королю Лиру, который раздал своим детям все свое имущество и которого вслед затем, как нищего, выбросили на улицу» [6, с. 25], – так оканчивает Виндельбанд свой исторический обзор значений слова «философия». Но это еще не финал. Хотя у философии не осталось надежды на роль науки миропознания, однако сами специальные науки могут быть объектами особой науки, а именно теории науки, собственно говоря, того, что мы сегодня уже привыкли называть «философией науки». Виндельбанду как-то не пришло на ум сказать, что философия здесь опять попала в подчиненное положение и превратилась в «служанку науки», вместе с тем такая нелестная характеристика к настоящему времени где-то уже прозвучала. Сам же глава баденской школы неокантианства нашел иной способ сохранить за философией высокое достоинство. Спасительное решение приоткрыла так называемая «философия ценностей», или «аксиология». Как раз в конце XIX и первой трети XX века наблюдался наивысший подъем «философии ценностей», в развитие которой значительный вклад внес Виндельбанд. В его учении ценности представляют собой не материальные объекты, а требования, предъявляемые разумом. А разум требует должного, то есть того, что не существует, но является настоятельно значимым для трансцендентального субъекта (сознания вообще). Так, от знаний разум требует истинности, от чувственно воспринимаемых объектов – красоты, от поступков – нравственного добра. Тем самым истина, красота и добро выступают идеальными общезначимыми ценностями. Иногда к этим трем ценностям Виндельбанд добавлял четвертую – святость. Именно общезначимые ценности он предложил считать предметом философии. Поскольку такой предмет идеален, а не реален, постольку никакая наука, ориентированная на объективную реальность, не может отобрать его у философии. Изложенные соображения объясняют и обосновывают данное Виндельбандом определение: «я могу понимать под философией... только критическую науку об общеобязательных ценностях» [6, с. 32]. При этом подчеркивается, что такая философия является именно наукой

со своим конкретным предметом (общеобязательные ценности) и особым методом (критическим).

Также решительно трактовали философию в качестве науки корифеи феноменологии Э. Гуссерль и М. Хайдеггер. Не вообще всякую, но именно свою – феноменологическую – философию Гуссерль характеризовал как «строгую науку», с которой по строгости не сравнится никакая другая наука. Феноменология опирается на опыт, как и требуется от подлинной науки. Но этот опыт особый, трансцендентальный, осуществляемый посредством феноменологической редукции и достигающий «усмотрения сущностей», априорных и неизменных. «Тем самым, – утверждал Гуссерль, – становится возможной трансцендентальная философия как строгая наука на абсолютно бытийной почве, соответственно, на почве опыта трансцендентальной intersубъективности, и это – взамен беспочвенной (т.е. не основывающейся ни на каком соответствующем опыте) спекуляции...» [7, с. 336–337]. И тут же он едко добавляет в примечании насчет принципиальной недостаточности всякой претендующей на строгость науки, обретающейся в пределах *позитивного*.

Сходным образом и М. Хайдеггер считал, что «философия есть универсальная феноменологическая онтология...» [8, с. 38]. При этом он благожелательно упоминал Гуссерля, от которого воспринял смысл философской «эмпирии» и приемы ее уяснения. В другом месте Хайдеггер сформулировал еще короче: «Философия есть наука о бытии. Мы будем понимать в дальнейшем под философией научную философию и не иначе» [9, с. 15]. В этих предложениях, во-первых, отчетливо указан объект философии, а именно – бытие; во-вторых, подчеркнуто, что свою философию Хайдеггер считал научной «и не иначе».

В завершение этого обзора определений философии, трактуемой в качестве науки, предложенных выдающимися мыслителями разных эпох, приведем дефиницию, запечатленную в академическом словаре русского языка. Ею обычно мы пользовались в учебном процессе в период «развитого социализма»: философия – «наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления» [10, с. 565].

2. Представления о философии как не науке. Около двух с половиной тысячелетий философию называли наукой. Но в последние два столетия появилась и постепенно нарастала неуверенность в правомочности такого определения и названия. Эта неуверенность уже достаточно конкретизировалась, чтобы оформиться в определение, данное в Большой Российской энциклопедии: философия – «форма рационально-теоретического мышления, имеющая своим предметом исследование предельных характеристик бытия, взаимоотношения человека и мира. К таковым относятся вопросы о первоначалах бытия, о возможности достижения истины, о сущности добра и красоты, о происхождении и назначении человека, а также о смысле его индивидуального существования как личности» [11, с. 366]. Здесь нет ни

слова о принадлежности философии к науке. Впрочем, еще несколькими десятилетиями раньше в пятитомной философской энциклопедии, издававшейся в Москве в 1960–1970-е годы философию уже определяли не как науку, а как форму общественного сознания.

Тем не менее член-корреспондент РАН И.Т. Касавин, выражая озабоченность переменами, происходящими в социальных условиях деятельности ученых, в том числе философов, в способах организации научных институтов, их финансирования, в критериях оценки эффективности, констатировал: «...сегодня снимается “вечный вопрос” о том, является ли философия наукой. Философия – в полной мере наука в статусе социального института, а не самостоятельное дилетантское предприятие...» [12]. Правда, в связи с этим суждением напрашивается вопрос: философия потому наука, что она стала социальным институтом или наоборот она стала социальным институтом потому, что является наукой?

Нетрудно усмотреть связь между усилением сомнений в научности философии и появлением в 1830-е годы позитивизма, основанного О. Контом. Но неверно было бы считать позитивистские умонастроения причиной дискредитации философии. Основанием неуверенности в научной состоятельности философии явились успехи естествознания и математики, ставшие особенно наглядными на фоне происходившего в Европе промышленного переворота. Позитивизм, ставший сам всего лишь еще одним философским течением, а не наукой, был рефлексией нарастающего раскола между обесценивающейся философией и бурно прогрессирующими специальными науками; может быть, говоря словами М.Ю. Лермонтова, как бы «насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом».

За время существования позитивизма во всех его эволюционных разновидностях накопилось множество упреков философии в несоответствии критериям научности. Не пытаясь составить их реестр, воспользуемся примерами из некоторых философских работ.

Английский философ Дж. Г. Льюис, испытывавший существенное влияние философии О. Конта, опубликовал в 1845–1846 годах «Биографическую историю философии», главная особенность которой, по характеристике Льюиса, состояла в попытке изобразить жизнь философов как непрерывный и бесполезный труд по достижению недостижимого. Начинается это сочинение так: «Во всей Европе философия потеряла кредит. Было время, когда она составляла славу и гордость величайших умов, а теперь хотя еще она и играет важную роль в системе общего образования, но об упадке ее равно свидетельствуют как сетования немногочисленных ее поклонников, так и постоянно густеющие ряды ее противников» [13, с. III]. Философия представляется Льюису безысходным лабиринтом. Хотя она и пребывает в нескончаемом движении, но двигается по кругу в противоположность прямолинейному ходу науки. Принципы философии на протяжении двух тысячелетий остаются спорными, в то время как основы науки уже четко определены и служат ориентирами для европейского развития. Фи-

лософия никогда не сможет достичь своих целей, поскольку эти цели находятся за пределами человеческих возможностей; она сталкивается не с затруднениями, а с невозможностью, так как ее задачи не могут быть решены с помощью позитивных знаний, поэтому для нее невозможен прогресс. То, что в разных странах называют одним и тем же словом «философия», имеет слишком расплывчатый смысл и обозначает всевозможные умозрительные изыскания. Слово «философия» следует понимать как антоним слову «наука». Принципиальное различие между философией и наукой заключается не в предметах их изучения, но в методах, а именно науку от философии отделяет метод проверки выводов на опыте. Философия исполнила великую роль предтечи науки, но роль эта сыграна, и философия должна покинуть сцену.

К сказанному Льюисом о том, почему философию не следует считать наукой, можно добавить еще ряд доводов. Существует не одна-единственная философия, а труднообозримое множество философий, которое нельзя, так сказать, «обобщить» или редуцировать к одной общей теоретической основе, чтобы получилось нечто единое целое. Вследствие этого невозможно изучить философию как таковую, поскольку ее нет, а приходится изучать некоторое множество «избранных» философий (а не все необозримое множество), упорядоченное чаще всего в хронологическом порядке. Предметы разных философий в отличие от предметов специальных наук рознятся друг от друга. К тому же они не существуют ни в качестве чувственно данных фактов, ни даже мысленно представимых образов (например, «идеи» Платона, «первое движущее» Аристотеля, «материя» материалистических учений, «абсолютное» Гегеля, «бытие» Хайдеггера) и ускользают от понимания большинства людей. Философия не удовлетворяет ни критерию верифицируемости логических позитивистов, ни критерию фальсифицируемости К. Поппера. В конце концов, попросту говоря, очень многие, особенно причастные к университетскому образованию, не понимают, какая от нее польза и зачем она вообще нужна.

3. Близкое сходство философии и математики.

После всего вышесказанного о соотношении философии с несомненными науками можно решить, что дальнейшая участь философии достойна сожаления. Однако сейчас мы увидим, что философия не одинока в своем отлучении от наук. Ближайшими ее «друзьями по несчастью» оказываются логика и математика. Если присмотреться к их неожиданному сходству и различию, то обнаружится тот фактор, который может снять «проклятие» с философии.

Российский биолог и физико-географ, академик АН СССР Л.С. Берг в философско-методологическом сочинении выразил свою позицию о соотношении науки и философии так: «вопросами о происхождении мироздания и о смысле и цели мира занимается не наука, а философия» [14, с. 8], т.е. философия, по его мнению, не наука, так как наука занимается только тем, что есть, было или будет, а не тем, что долженствует быть. В специальной главе под названием «Науки ли математика и логика?»

Берг еще раз подчеркивает, что наука представляет собой систематизированное знание о явлениях. «Но с какого рода явлениями мы, имеем дело в математике? Где, кроме сферы понятий, встречаются синусы, иррациональные числа, логарифмы, окружности, плоскости и т.д.?» [14, с. 65]. Математика оперирует с абстракциями высочайшей степени, которые не могут быть представлены в виде конкретных образов, например, мнимые числа или пространства с четырьмя измерениями. Однако в природе не существует ничего, что хотя бы отдаленно напоминало бы $\sqrt{-1}$. Берг ссылается на А. Пуанкаре (аксиомы геометрии – условные утверждения, а не априорные или эмпирические данные), на Н.И. Лобачевского (геометрические понятия создаются в уме искусственно), на Р. Дедекнда и К. Гаусса (арифметика не зависит от опыта и выводятся из законов логики). Действительный мир с объектами, изучаемыми наукой, описывается в количественном и качественном аспектах, однако математика индифферентна к качеству. Математика как знание чисто формальное занимается не вещами, а умственными действиями, нужными для приведения в порядок наших мыслей о многообразном. Наконец, Берг резюмирует: «Что же такое математика? По нашему мнению, это не наука, а метод, позволяющий приводить в порядок, при помощи знаков (символов), любое многообразие, независимо от его содержания» [14, с. 69]. Таким образом, строгий «позитивный» подход отлучает от науки даже математику, явившуюся одной из двух основ экспериментально-математического познания мира.

Существует раздел философии, именуемый «философией математики», в который внесли свой творческий вклад не столько профессиональные философы, сколько математики, так как обычно философы менее сведущи в математике, чем математики в философии, поскольку последние особенно заинтересованы в осмыслении основ своей «науки» с ее предметами весьма загадочной природы. Это обстоятельство, которое мы попытаемся в некоторой мере прояснить, тоже намекает на некую близость самой «точной» из наук к самой расплывчатой и вроде бы даже вообще не науке.

Среди множества трудов по философии математики трудно обойти вниманием «Закат Европы» О. Шпенглера. Кому-то покажется странным, что Шпенглер, слывающий скорее философом, историком, одним из основателей философии культуры, причастен к философии математики. Но в университетах Галле, Мюнхена и Берлина он изучал именно математику и естественные науки. Переводчик трудов Шпенглера на русский язык К.А. Свасьян писал о субстрате концепции Шпенглера: «Мы не ошибемся, взяв за исходную точку анализа математическую модель, по которой строится здесь чисто историческая концепция; конструкция Шпенглера (недаром же бывшего преподавателя математики в старших классах гимназии) насквозь математична...» [15, с. 86]. Шпенглер в своей концепции «морфологии всемирной истории» рассматривает историю как ряд культур, подобных живым организмам, рождающихся, достигающих вершины своего развития и умирающих. В каждой

культуре образуются собственные неповторимые формы душевной жизни, религии, искусства, а также математики и философии в числе прочего. Душа всякой культуры стремится осуществить себя в разных формах, в том числе в математических, причем у всякой культуры – свои числовые понятия, соразмерные индивидуальному стилю души данной культуры. Шпенглер утверждает: «Не существует никакой одной математики, есть лишь множество математик» [15, с. 211]. У нынешних математиков Запада понятие числа, цель и метод математики совершенно не такие, какие были в древности у математиков Афин или Багдада. Запад не перенял античную математику, а создал собственную путем отрицания чуждой ему евклидовой математики. Заметим, как эти высказывания Шпенглера перекликаются с тем, что уже говорилось о философии: нет и не может быть единой философии. А что у Шпенглера говорится о предмете математики? Читаем: «Будь математика просто наукой, как астрономия или минералогия, ее предмет поддавался бы определению. Но это невозможно и никогда не было возможно» [15, с. 210]. Тут надо придумать: почему «невозможно»? Наверное, потому что астрономия и минералогия, и подобные науки имеют свои предметы вне себя, т.е. вне человеческого ума, тогда как математика (и философия!) сами создают те предметы, с которыми они работают – числа и понятия. Внешние предметы, существующие объективно (независимо от нас) и данные в чувственном восприятии, могут быть как-то описаны, чему-то уподоблены. Но как описать и с чем сравнить числа и понятия? – не с чем. Вот потому Шпенглер и заключает, что предмет математики (и философии, добавим мы) не поддается определению. Тем не менее мы можем возразить, что числа и понятия существуют, причем объективно, хотя и не чувственно, не осязаемо, без-образно, ведь мы *объективируем* числа и понятия при помощи цифр, слов и других знаков. То есть они существуют не только моем индивидуальном сознании, но и в сознании других людей, в общественном сознании, intersубъективно.

Остается осмыслить еще одно весьма существенное замечание Шпенглера о власти над миром, которая дается нам благодаря словам и числам. Он пишет: «Число... родственно слову, которое – “понимая”, “помечая” в качестве понятия – равным образом очерчивает впечатления о мире». «Действительное число, с которым работает математик, точно представленный, произнесенный, написанный числовой знак – цифра, формула, обозначение, фигура, – подобно помысленному, произнесенному, написанному слову, оказывается в этом смысле символом, чем-то наглядным и доступным передаче, осязаемым для внутреннего и внешнего взора, в котором отражается само разграничение. Происхождение чисел сродни происхождению мифа. Первобытный человек возводил в божества, numina, не поддающиеся определению впечатления природы (“чужое”), заклиная их с помощью разграничивающего их имени. Так же и числа суть нечто разграничивающее природные впечатления и тем самым заклинаяющее их. Именами и числами человеческое

понимание приобретает власть над миром» [15, с. 206]. Надо бы извиниться за слишком длинную цитату, но она оправдывается тем, что в ней усматривается ключ к разгадке тайны философии и математики. Шпенглер использует слово «разграничение», чтобы указать на функцию, которую выполняют слова и числа. Мы сейчас покажем, что уместнее и точнее говорить о «разметке», а не «разграничении». Надо еще внести поправку в выражения Шпенглера: речь должна идти не о *словах* и числах, а *понятиях* и числах, ведь слово – это не понятие, а только его знак подобно тому, как и цифра только знак числа.

Но прежде немного отвлечемся, чтобы удостовериться, что Шпенглер не одинок в своем понимании духа математики. Среди множества трудов по философии математики остановим внимание на работе М. Клайна «Математика. Утрата определенности». Автор пишет, что в математике видели образец строгих рассуждений и незыблемых истин, но пришли к осознанию ложности таких представлений. В начале XIX века появились необычные геометрии и не менее необычные алгебры, вынудившие математиков осознать, что математические законы не являются абсолютными истинами, а в конце того же века многие утратили веру в то, что природа полностью основана на математических принципах. «...Появление неевклидовой геометрии и кватернионов... заставили математику отказаться от многовековых претензий на владение абсолютной истиной...» [16, с. 119] – констатирует Клайн. И на протяжении всей своей монографии автор неоднократно повторяет тезис, уже знакомый нам по сочинению Шпенглера: существует не одна, а много математик.

4. Философия и математика – средства понятийной разметки. Наконец, подготовлена почва, чтобы сформулировать главную мысль этого исследования по вопросу о предмете философии (заодно и близкородственной к ней математики) и об их соответствии понятию научности. Главный тезис таков: философские теории, как и математические, представляют собой *средства разметки* своих предметов. Эти средства разметки суть понятия и составляемые из них мысленные конструкции. Эти средства разметки у математики чисто формальные, бессодержательные, это – понятия чисел и пространственных форм и образуемые из них мысленные конструкции. У философии средства разметки состоят из понятий содержательных (т.е. «понимающих» качества) всевозможных предметов, в том числе математических. При помощи этих понятийных средств осуществляется разметка каких бы то ни было предметов, находимых нами в мире вне нас или представляемых лишь мысленно.

Формальная (математическая) разметка предметов посредством понятий числовых или пространственно-формовых позволяет измерять, соизмерять, разделять, соединять предметы для оперирования ими согласно нашим целям. Когда имеющихся формальных средств недостаточно для осуществления разметки, приходится изобретать новые. Так, древние индийцы наряду

с использованием натуральных чисел ввели в практику отрицательные числа для учета денежных долгов [16, с. 130]. Когда для разметки поверхностей с ненулевой кривизной оказалась недостаточной евклидова геометрия, изобрели другие геометрии, неевклидовы. Так вместо одной математики появляется множество тоже необходимых математик в качестве систем разметки предметов. Так что одновременное сосуществование множества математик так же естественно, как наличие множества философских теорий.

Содержательная (не только философская, но и житейская, мифологическая, религиозная, научная и прочие) разметка предметов позволяет при помощи содержательных понятий, во-первых, идентифицировать предметы, различать их по качествам, родам, видам; во-вторых, устанавливать их *смысл*. Это многозначное слово «смысл» мы будем использовать не в том значении, которое придал ему Г. Фреге как элементу семантического треугольника, а в самом широком значении как «то, ради чего», т.е. как целевой причины по Аристотелю. Если человек или животное совершает некое действие, то, спрашивается, ради чего, какой смысл действия. Смысл принадлежит не самим предметам, а относится человеком или другим живым существом к этим предметам – чего ждать или требовать от них, для чего они. Гегель, излагая свои воззрения на процесс развития в форме триады тезис–антитезис–синтез, полагал, что смысл каждой данной ступени находится в следующей за нею ступени. Такая трактовка понятия смысла является телеологической, опирающейся на понятие цели. Все философские построения, особенно такие универсально-системные, как у Аристотеля, Канта, Гегеля, Маркса, содержат в себе телеологию. «Позитивные» науки сторонятся телеологии, требуют опираться на факты, объективную реальность, и это нормально, правильно, иначе они не достигали бы своих *целей*, не осуществляли бы своего *предназначения, смысла*, не соответствовали бы своей собственной «телеологии». В указанном толковании смысла бессмысленными являются факты и действия, которые ни для чего.

Философия и математика создают то, что в мире не существует само по себе – понятийные средства разметки предметов. При этом они опираются на рациональное мышление, логику. Сами нормы рационального мышления, логического анализа и синтеза создаются как раз философским мышлением, которое не является частной собственностью профессиональных философов. Мышление всякого человека – физика и лирика, швеи и балерины – оказывается философским, когда он переключает внимание с предмета, с которым он непосредственно работает, на свои понятия об этом предмете и своем обращении с ним. Осмысливать свои понятия и при надобности корректировать их – это и есть философское занятие в отличие от конкретно-специального и практического дела. «Философия – это обработка понятий» [17, с. 623], – резонно считал И.Ф. Гербарг. Отличие профессионального философа состоит в том, что он занимается обработкой понятий не от случая к случаю, а специально, целенаправ-

ленно, используя особые знания и навыки, ориентируясь на достижение общезначимых результатов.

Тем, кому кажется, будто философия не имеет своего определенного предмета, будто она обо всем и ни о чем конкретно, нужно принять во внимание, что ее неизменный постоянный предмет, который она создает, обрабатывает, перерабатывает, это – понятийная смысловая разметка предметов. Эта разметка существует только в мысленном пространстве, но благодаря объективации посредством языковых и прочих знаков она становится общественным явлением, т.е. переходит в категорию «явлений», того, что можно воспринимать, с чем можно оперировать, как и с фактами, на наличии которых настаивает методология «позитивной» науки. Таким образом, философия, а вместе с ней и близкородственная математика имеют свои четко определяемые предметы, доступные в своем объективированном виде чувственному восприятию, т.е. данные фактически, соответствуют критериям научности и являются полноправными науками.

Заключение. В результате проведенного исследования, нацеленного на определение предмета философии и ее соответствия критериям научности, получены следующие выводы:

1. Мнения о неопределенности предмета философии не соответствуют действительности. Другое дело, что предметы конкретных философских концепций различны, но это разнообразие в общем адекватно различиям культурно-исторических обстоятельств образования концепций.

2. В качестве предмета конкретная философская концепция обычно указывает на нечто независимое от человеческой субъективности – реальный мир, или нечто трансцендентное, или трансцендентальное (априори, феномены). Но эти всевозможные предметы являются лишь экземплярами, вариациями одного и того же предмета – понятийно-смысловой разметки предметных множеств. Любая философская концепция создает такую разметку, которая в качестве создаваемого предмета не может быть независимой от своего создателя. Разработка такой смысловой разметки – общий предмет для всевозможных философий.

3. Философия подобна математике в том, что обе представляют собой понятийные разметки для их применения к предметным множествам и оперированию с этими множествами для достижения определенных целей. Разметка математическая имеет формальный характер, будучи образованной из понятий чисел и пространственных форм, а разметка философская образуется из содержательных понятий с определителями качеств и смысла предметов.

4. Понятийные средства разметки предметов могут быть применимы и действенны без их объективации посредством языковых и иных знаков, оставаясь индивидуально-субъективными. Но если они получают такую объективацию, то могут быть восприняты в качестве фактов другими субъектами, стать intersubъективными, принадлежащими к общественному сознанию и незави-

мыми от первоначального создателя и носителя.

5. Понятийные средства разметки предметов в философии (как и в математике) сами по себе не истинны и не ложны, но бывают применимы или неприменимы. Но то же можно сказать и о знаниях «позитивных» наук. Понятийные средства разметки предметов в философии и математике, получая объективацию в языковых и иных знаках, превращаются в факты, которыми занимаются философы, математики и специалисты других научных профилей, поэтому неверно мнение, что философы и математики не работают с фактами, не соотносят с ними свои понятийные средства разметки предметов. Посему можно заключить, что философия удовлетворяет критериям научности, является научной дисциплиной.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – 1976. – 550 с.
2. Кант, И. Собрание сочинений: в 8 т. / И. Кант. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 3: Критика чистого разума. – 741 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974–1977. – Т. 1: Наука логики. – 1974. – 451 с.
4. Гегель, Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – 666 с.
5. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1970–1972. – Т. 3. – 1972. – 374 с.
6. Виндельбанд, В. Прелюдии: философские статьи и речи / В. Виндельбанд. – М.: Гиперборей: Кучково поле, 2007. – 400 с.
7. Гуссерль, Э. Избранные работы / Э. Гуссерль. – М.: Территория будущего, 2005. – 459 с.
8. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
9. Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер. – СПб.: Высш. религ.-филос. шк., 2001. – 445 с.
10. Философия // Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. – С. 565.
11. Миронов, В.В., Философия / В.В. Миронов, В.А. Куренной // Большая Российская энциклопедия. – М.: Большая Рос. энцикл., 2004 – Т. 33. – 2017. – С. 366–369.
12. Касавин, И.Т. Инфраструктурная революция в философии: Афина из головы Зевса? / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. 41, № 3. – С. 5–17.
13. Льюис, Дж.Г. История философии от начала ее в Греции до настоящих времен / Дж.Г. Льюис. – СПб.: В. Ковалевский, 1865–1867. – [2], VIII, III–XXX, 816 с.
14. Берг, Л.С. Наука, ее содержание, смысл и классификация / Л.С. Берг. – Петроград: Время, 1922. – 139 с.
15. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1998. – Т. 1: Гештальт и действительность. – 1998. – 666 с.
16. Клайн, М. Математика. Утрата определенности / М. Клайн. – М.: Мир, 1984. – 446 с.
17. Герbart, И.Ф. // Антология мировой философии: в 4 т. / И.Ф. Герbart. – М.: Мысль, 1969–1972. – Т. 3: Буржуазная философия конца XVIII в. – первых двух третей XIX в. – 1971. – С. 622–628.

Поступила в редакцию 17.04.2025